МУРЗИЛКА

№10 Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов ОКТЯБРЬ 1951

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

Рис. В. ОРЛОВА

СМЕНА

День был осенний,
Солнечный,
Ясный.
Мчались машины
По площади Красной.
Мчались машины,
Где надо — гудели,
В каждой из них
Пассажиры сидели:

В «ЗИСе-110», в машине зелёной,
Рядом с водителем — старый учёный:
В «ЗИМе» — седой генерал-лейтенант,
Рядом с шофёром — его адъютант;
В жёлтой «Победе» — шахтёр из
Донбасса,
Знатный забойщик высокого класса;
В синей «Победе» — известный скрипач
И в «Москвиче» — врач.

Шины машин
По брусчатке шуршат.
Время не ждёт.
Пассажиры спешат:

Кто — в академию
На заседание,
Кто — на спортивное состязание,
Кто — посмотреть из машины столицу,
Кто — на концерт,
Кто — на службу в больницу.

Вдруг впереди
Тормоза завизжали!
Это
Шофёры педали нажали:
Чёрные,
Белые,
Жёлтые,
Синие
Остановились машины у линии.
Остановились.
Стоят.
Не гудят.
А из машин пассажиры глядят.
Ждут пассажиры,
Водители ждут —
Мимо машин ребятишки идут!

По пешеходной,
Свободной
Дорожке
Топают,
Топают,
Топают ножки —
Маленьким гражданам
Детского сада
Здесь
Перейти эту улицу надо...
Дети проходят,
А взрослые ждут,
Ждут они пять с половиной минут!
Ждут.
Не шумят.
Никого не ругают —
Это же наши ребята шагают!
Наши защитники дела Советов!
Наши рабочие!
Наши поэты!
Учителя,
Агрономы,
Артисты! —
Ленинцы!
Сталинцы!
Коммунисты!

Каждому ясно:
Ну как же не ждать —
Будущей смене дорогу не дать?!

Дети прошли.
Постовой обернулся:
— Добрая смена! —
И сам улыбнулся.
— Смена! —
Кивнул постовому шофёр.
— Смена! —
Промолвил с улыбкой шахтёр.
— Счастье народа! —
Учёный сказал.
— Слава! —
Подумал седой генерал.

О. СЛЁЗКИНА *Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ*

ГАЛИН ЧАЙНИК

Бабушка разливала чай из пузатенького фарфорового чайника, и Галя снизу увидела на донышке голубую надпись:

ФАРФОРОВЫЙ

ДУЛЁВО

ЗАВОД

Она обрадовалась. На дулёвском заводе работал инженером её дядя, дядя Петя.

— Бабушка, смотри, здесь написано «Дулёво»!

— А как же! — с гордостью отозвалась бабушка, которая тоже лет двадцать проработала на этом заводе.

— Бабушка, поедем на завод к дяде Пете, поедем! — стала просить Галя.

— Ладно, поедем, только чайник не трогай!

Назавтра бабушка с Галей поехали на завод. Ещё издали они увидели высокие решётчатые ворота со знакомой надписью: «Фарфоровый завод Дулёво». Галя смело подошла к воротам, но дежурный сказал:

— Ты куда, девочка?

— К дяде Пете.

— А пропуск?

Галя оглянулась. Бабушка стучалась в окошечко за пропуском. И через минуту Галя с бабушкой уже шли по заводскому двору, мимо длинных просторных корпусов. Вот они зашли в кабинет к дяде Пете. Но дядю Петю сейчас не узнать. Он сидит за столом такой важный, такой серьёзный и разговаривает по телефону строгим, «инженерским» голосом. Но когда он положил трубку, посмотрел на Галю и улыбнулся, он сразу же превратился в прежнего доброго дядю Петю.

— Здравствуйте, мама, здравствуй, Галочка, — ласково сказал он. — Хочешь завод посмотреть?

— Хочу, — кивнула головой Галя.

— Ну что ж, — сказал дядя Петя. — Мама, покажите ей наш завод. Начните, пожалуй, с музея!

И Галя с бабушкой пошли в заводской музей. Вот где у Гали разбежались глаза! Чего там только не было! На стенах висели красивые расписные блюда и тарелки. В витринах хранились замечательные чудесные фигурки: вот хозяйка Медной горы в золотом сарафане, вот суворовец ведёт за руку школьницу, вот негритёнок, вот олени, медведи, голуби! Всё как живое, всё блестит, всё переливается разноцветными красками...

Гале не хотелось уходить. Она бы век любовалась на чудесные сервизы и фигурки. Но бабушка повела её в живописный цех. Там было просторно и светло. За длинными столами сидели работницы и яркими красками расписывали блюдца, тарелки и кружки... Они брызгали из диковинных машинок, и скучные белые

кружки сразу становились весёлыми, радужными, праздничными.

— Бабушка, а можно мне раскрасить одну кружечку? — спросила Галя.

— Нельзя, Галочка, испортишь! — сказала бабушка и повела Галю на третий этаж, в формовочный цех. В лестничной клетке быстро двигалась большая машина.

— В моё-то время мы на спине таскали мешки с глиной, с песком да с мелом, — сказала бабушка, — а теперь, видишь, транспортёр сделали! Большое облегчение рабочим!

Формовочный цех был ещё больше живописного. Посреди дышала жаром огромная печь. Вокруг неё на полочках сохли новенькие, только что сделанные, ещё шершавые тарелки и чайники. В сторонке, за отдельным столом сидела молоденькая работница.

Галя подошла к ней поближе. Возле работницы рядами тянулись ещё не готовые смешные чайники, без ручек и без носов. Носы лежали отдельно, в круглой форме. А неподалёку, в другой форме, лежали ручки, точно белые крендельки.

Девушка быстро брала один за другим ещё сырые чайники, ловко прокалывала их острым шильцем и передавала соседке. Та обмакивала края носиков и ручек в густую, белую, как сметана, фарфоровую массу и прилаживала к чайникам.

Галя спросила:

— А зачем эти дырочки?

Девушка оглянулась.

— Чтобы вода из чайника выливалась, — сказала она и спросила: — А что ты здесь делаешь?

— Я с бабушкой пришла, — сказала Галя. — А вы?

— Я здесь работаю. Я в ремесленном учусь при заводе. А здесь я на практике.

— А что значит — «на практике»? — спросила Галя.

— Это значит, ну, привыкать к мастерству, учиться работать, как настоящий рабочий, — сказала девушка. — Наши ремесленники во всех цехах работают на практике. В литейном, где льют из гипса формы, там больше мальчики. А у нас, в формовочном, — девочки.

— А как вас зовут?

— Соня.

Галя заглянула Соне под локоть. Ей хотелось посмотреть: просвечивают ли насквозь дырочки в чайнике?

— Хочешь, попробуй! — сказала Соня.

— А можно? — шопотом спросила Галя.

— Можно. На практике можно! — сказала Соня. Она дала Гале шильце и сказала: — Держи так. Вот. А теперь коли. Смелей, смелей! Вот так!

Галя нацелилась и ткнула шильцем. Шильце легко пронзило влажный фарфоровый бочок чайника.

— Так?—с волнением оглянулась Галя на Соню.

— Так! — сказала Соня. — Молодец! Только таких надо сделать двенадцать. Смотри, не коли слишком часто!

Галя начала работать шильцем. Раз, два, три, четыре... С каждым разом работать было всё легче и легче.

— Галя, где ты?—раздался голос бабушки. — Я её ищу по всему цеху, а она вон где, оказывается. Уже работает!..

— Бабушка, бабушка! — крикнула Галя. — Я тут на практике, я умею делать дырочки в чайнике, посмотри!

Она протянула бабушке чайник. Бабушка посмотрела на просвет и сказала:

— Для начала очень даже хорошо. Этот чайник можно вполне пустить в работу.

— Правда, бабушка? Можно? — не поверила Галя.

Но бабушка уже передала чайник работнице, которая мигом прилепила к нему носик и ручку. И сразу он стал похож на настоящий чайник и вместе с тысячами своих братьев поехал на конвейере к печке сушиться. Теперь уже нельзя было его отличить от других чайников. Но Гале было приятно, что кто-то будет разливать чай из её чайника с двенадцатью дырочками и голубой надписью на донышке: «Фарфоровый завод Дулёво».

Сергей БАРУЗДИН

ПИСЬМО

Пишут письмо в столицу
Советским друзьям-ребятам
Болгарские ученицы,
Болгарские сентябрята.

«Есть в нашем крае город,
Имя которому — Сталин.
В честь вождя дорогого
Болгары город назвали.

Мы вольно живём, счастливо,
Как раньше у нас не жили.
Вчера мы в театр ходили
И русский язык учили.

Мы ваши книги читали —
Про Зою, про краснодонцев,
Мы в лагере загорали
На нашем горячем солнце.

Мы учимся быть такими,
Как люди вашей Отчизны.
Мы вырастем скоро большими
И смело пойдём по жизни.

Вы в гости к нам приезжайте,
Пусть дружба у нас будет вечной,
Вы Сталину передайте
Поклон и привет сердечный!»

Рис. Ю. КОРОВИНА

У САМОГО МОРЯ

Много нужно знать офицеру советского флота. Долго нужно учиться и, прежде чем стать моряком, нужно, конечно, познакомиться с морем.

Вот и вышли на взморье, на берег залива, будущие моряки, воспитанники Нахимовского училища.

Стоят у самого моря, слушают, как шумят, набегая на берег, солёные волны, следят за полётом белых морских птиц, глядят на горизонт.

А командир-воспитатель, бывалый моряк, повидавший и бури и морские сражения, рассказывает о далёких морских дорогах, которые ждут ребят впереди, и о славных делах, совершённых под сенью морского советского флага.

Эти ребята — новички. Они пока ещё с берега знакомятся с морем. А их товарищи, те, что не первый год носят форму нахимовцев, те уже в море, на белокрылой парусной яхте режут холодные балтийские волны, привыкают к суровой морской службе.

Завидно ребятам смотреть с берега на старших товарищей. Но ребята не унывают. Они знают: придёт и их очередь поднять паруса, встать к рулю, выйти в море.

А пока и с берега столько можно увидеть, что надолго хватит вспоминать.

У самого горизонта идёт в море корабль. Куда он спешит? Может быть, в дальние страны пошёл с грузом дорогих товаров, может быть, везёт пассажиров, а может быть, в море рыбу ловить?

Нет, рыбу здесь ловят с маленьких корабликов. Вот они стоят на берегу, эти

кораблики, — чёрные смолёные лодки. Тут же сети лежат и буйки — длинные палки с флажками, вся рыболовная снасть.

А вверху, над буйками, над лодками, в густых вершинах сосен шумит морской ветер, гонит на берег волны и вместе с волнами гонит к берегу рыбу.

Вон сколько чаек над морем! Кричат, кидаются в воду, промышляют рыбёшку. Чайки есть, значит и рыба есть. Пора и рыбакам на промысел.

Спихнут лодки в море, поднимут паруса, заведут моторы и побегут в море выкладывать сети и ставить буйки. И затрепещут над морем флажки, и каждый моряк, увидев буёк, сразу поймёт: здесь не ходить, здесь рыболовные сети!

А это побольше кораблик, он и ходил подальше. С вечера ушёл в море, а теперь вернулся с богатым уловом. Целый грузовик нагрузили, а в лодке ещё больше половины...

Выгрузят рыбу, увезут на завод, приго-

товят, запечатают в банки, и пойдут по всей стране тяжёлые ящики с жирными сардинками, с серебряной килькой, с золотистыми шпротами.

А рыбаки зачинят сети, развесят их на просушку, заберут еды на дорогу, заберут пресной воды и снова пойдут на промысел.

Четырнадцать морей шумят у берегов нашей советской земли. И над каждым советским морем гордо реет на ветру морской флаг нашей родины. А где поднят наш флаг, там спокойно может жить и трудиться мирный человек, потому что и с моря, и с берегов, и с воздуха стерегут наш мирный труд зоркие краснофлотцы.

Вот сколько узнали нахимовцы, вот сколько повидали за один только день! А впереди у них ещё много-много дней интересной учёбы, далёких морских походов, смелых плаваний.

Хорошо быть нахимовцем!

Е. ТРУТНЕВА

КАРА-КУМЫ

В пустыне безводной,
Вдали от реки,
Взвивались, вставали
Смерчами пески.
И только верблюды
В песках Кара-Кума,
Звеня бубенцами,
Шагали угрюмо.
Немало под тяжестью
Чёрных барханов
Лежит занесённых
Песком караванов.
Ни клён, ни осина,
Ни даже дубок
В песках укрепиться
Корнями не мог.
Ни яблоньке смелой,
Привычной к походу,
В пески кара-кумские
Не было ходу.
Ни белой берёзке
С зелёной косой,
Ни травке-муравке,
Умытой росой!
И даже в начале
Весёлого мая
Здесь туча не смела
Пройти грозовая!
Пески становились
Сильнее и злей,
Летели всё дальше
В просторы полей.
Дышала пустыня —
И сохла пшеница,
И лист обрывался,
И пряталась птица.
Но кто по пустыне,
По чёрным барханам,
Так смело проходит
Стальным караваном?!
В кустах саксаула
Таится варан, —
Впервые он видит
Такой караван.

Тушканчики в страхе
Бегут без оглядки...
Машины прóходят
В спокойном порядке.
Напрасно пустыня
Смерчами пугала,
И жаждой, и зноем,
И воем шакала!
Жестокого неба
Безоблачна ширь,
Но смел и настойчив
Народ-богатырь!
И в дружбе горячей,
В порыве едином,
В пустыню уралец
Пришёл с осетином;
Пришёл украинец,
Москвич и узбек
Прокладывать русла
Каналов и рек,
С угрюмой и грозной
Пустыней бороться!
Здесь море
По мёртвым пескам
разольётся!
Маслины поднимутся,
Встанут стеной;
Здесь пальмы с ветрами
Зашепчутся в зной,
И сочные ягоды
В зелени сада
Созреют на гибкой
Лозе винограда.
И туча рассыплет
Ликующий гром,
И тополь на солнце,
Блеснёт серебром,
И песенки птиц
Зазвенят ненароком
Над хлопковым полем
В раздолье широком!
Всё будет сбываться
И сбудется скоро! —
В безмолвной пустыне
Поднимется город,
С Дворцом пионеров,
С театром и школой,
И с парком тенистым,
И с песней весёлой!

НА ДАЛЬН

Посмотрите на эту картинку. Видите, сколько всяких зверей здесь нарисовано. Это всё животные — обитатели дальнего севера нашей родины. Вот неповоротливые жители океана — моржи. Они вылезли на берег подышать свежим воздухом. Живут моржи группами, иногда очень большими. Старый опытный морж у них за сторожа. Чуть какая опасность, он сразу подаёт сигнал, и все моржи кубарем катятся в воду. Моржёнок ещё плохо плавает, ему надо помочь, и мать-моржиха сажает его к себе на спину. Ну, а если беда подкралась незамеченной, тогда моржи смело бросаются на врага.

Выбрался из воды и жирный, неуклюжий на суше тюлень. Хочется ему всласть поспать, да страх одолевает. Того и гляди, незаметно подкрадётся самый страшный хищник севера — белый медведь. Во-время не спохватишься, тогда и в воде не спасёшься. Медведь отлично плавает и ныряет. Вот и просыпается тюлень каждую минуту; проснётся, посмотрит в одну сторону, в другую — и снова засыпает.

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

ЕМ СЕВЕРЕ

На песчаной отмели огромный мёртвый кит. Спасаясь от прожорливых хищников — касаток, кит выбросился на берег. Касатки тоже из породы китов; правда, они гораздо меньше, зато зубастые. На спине у них плавники, которые торчат из воды.

За белым медведем крадутся маленькие злые зверьки — песцы. Им хочется полакомиться китовым мясом, но и они боятся хозяина снежной пустыни. В пище песцы мало разборчивы и едят всё, что попадётся. Они ловко вылавливают тундровых мышей, охотятся на морских и береговых птиц, воруют птичьи яйца. Обыкновенный песец линяет. Летом у него шерсть дымчато-бурого цвета, а зимой — снежно-белого. А голубой песец носит круглый год голубовато-серую шерсть. Расцветка шерсти помогает ему маскироваться. Притаился песец, свернулся в клубок, и не заметишь его — обыкновенный снежный бугорок.

Вот сколько всякого зверя живёт на побережье северных морей!

В. ОСЕЕВА

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ

ТЕТРАДКА

Люда поднялась на цыпочки и просунула в раскрытую форточку пушистую светлую голову. Глаза у неё были широко раскрыты, брови взлетали вверх.

— Наташа! Они нашу работу делают! Иди скорей! Они наши листья сгребают!

«Они» — это были мальчики. Наташа сразу поняла, в чём дело. Она схватила сумку с тетрадками и выскочила во двор.

— Куда ты? Ещё рано в школу! — крикнула ей бабушка. Но Наташа уже мчалась вслед за Людой к воротам.

— Они свою сторону ещё вчера убрали! А эту нам дворник велел! А они сгребают! Уж целую кучу нагребли! — захлебываясь, рассказывала на бегу подружка.

— А мы не дадим!

Наташа ещё издали увидела Витю и Юрика. Они деловито сгребали в кучу сухие листья, мирно беседуя между собой.

— Не трогайте! Это наше! Это мы с Людой убираем! — подбегая к ним, сказала Наташа.

Мальчики остановились.

— Ваша сторона около дома! — опираясь на грабли, ответил Витя.

— Да мы уже всё убрали! — добавил Юрик.

Наташа окончательно рассердилась.

— Зачем убрали? Мы тоже хотим работать! Это наша работа! Вот я вам всё разбросаю сейчас!—Она схватила горсть листьев и подкинула их вверх.

— Смотри, смотри, Витя! Ну что она делает?! — огорчился Юрик.

— Не трогай! — прикрикнул на Наташу Витя. — Уходи отсюда!

— Не уйду! Не имеете права нашу работу делать!

— Подумаешь, вашу работу! Зазнайки! — Витя схватил Наташу за руку. Она вырвалась и, размахнувшись, ударила его по спине сумкой. Сумка раскрылась, и в кучу листьев посыпались книжки, тетради и цветные карандаши.

— Ой, как обращается с пособиями! — вытаращил глаза Юрик.

Наташа, не глядя на мальчиков, поспешно подняла книжки, взяла из рук Люды карандаши, засунула в сумку и побежала к воротам.

— Ни за что не помирюсь больше с ними, ни за что! — возмущённо сказала она догнавшей её подружке.

— Ещё бы! Они нам всё назло делают! И своей школой перед нами хвалятся! Как будто мальчикова школа лучше девочкиной. Всё нам назло! — сердито припоминала Люда.

— Ни за что не помирюсь, — повторила Наташа, растирая на щеках слёзы.

— Всё у них лучше! И учительница лучше! И отметки! А теперь уж и нашу работу взяли! — продолжала жаловаться Люда.

Наташа молча смотрела себе под ноги. Осеннее солнце весёлыми зайчиками разбегалось по тротуару. В канавках шелестели жёлтые и красные листья.

— Когда в детском саду были, так они нам всё уступали... А в прошлом году, как пошли в школу, так и начали хвалиться. Теперь и вовсе только назло делают, — с глубокой обидой сказала она.

— Наташа! Наташа! — донёсся откуда-то голос Вити.

Люда схватила подругу за руки.

— Не оглядывайся! Это они! Мириться хотят!

Девочки поспешно свернули на школьную улицу.

— Наташа!

— Пускай теперь покричат! Пускай! — Девочки скрылись за дверью школы.

* * *

Урок ещё не начинался. Но учительница Надежда Николаевна была в классе. Девочки тоже уже сидели за партами.

— Вышли рано, а пока ссорились — чуть-чуть не опоздали, — шепнула подруге Люда.

Наташа поздоровалась с учительницей. Надежда Николаевна любила приходить немного раньше звонка, чтобы поговорить с девочками.

— Сегодня чудесный денёк, — сказала она. — Это уже последние хорошие деньки. На большую перемену пойдём в сад собирать листья. Вы заметили, какие красивые листья — красные, жёлтые, коричневые...

— У нас во дворе целые кучи намело... — со вздохом сказала Наташа, вспоминая листья, собранные мальчиками.

— А какое стихотворение мы с вами вчера учили, помните? — спросила Надежда Николаевна.

— Помним, про осень, — хором ответили девочки.

— А вы его переписали дома в тетрадки?

— Переписали.

— Все, все переписали, — повторила за подругами Наташа, роясь в своей сумке. Она не могла найти домашнюю тетрадь.

— Ты приготовила урок, Наташа? — раздался рядом голос учительницы.

— Да, конечно! Я хорошо приготовила, только я... — Наташа ещё раз подняла крышку парты. Раскрытая сумка упала на пол.

— Я приготовила, но тетрадка куда-то делась... — в замешательстве сказала девочка и, встретив внимательный взгляд учительницы, сильно покраснела.

— Ну, не волнуйся. Давай поищем вместе! — Надежда Николаевна заглянула в парту, сложила разбросанные книги. Девочки с любопытством смотрели то на учительницу, то на Наташу.

— Она писала. Мы вместе писали, — сказала Люда. — И сумку она складывала вчера при мне.

Наташа вдруг сразу вспомнила ссору с мальчиками, рассыпанные книги...

— Может, ты забыла тетрадку дома? — спросила учительница.

Наташа крепко сжала под передником пальцы.

— Я потеряла её, — тихо сказала она.

— Потеряла? Где же ты могла потерять домашнюю тетрадь?

— Потеряла, — шопотом повторила Наташа.

Учительница положила ей на плечо руку.

Наташа опустила голову.

— У нас мальчики во дворе плохие, они нас обижают всегда, — пожаловалась Люда. — Они сегодня у Наташи сумку рассыпали...

В коридоре прокатился гулкий звонок.

— Как же это случилось? — спросила учительница.

Но Люда не успела ответить.

Дверь вдруг скрипнула, в неё просунулась светлая голова с двумя длинными косичками, и в комнату вошла девочка из третьего класса.

— Надежда Николаевна! Простите. Я на одну минутку. Вот тетрадь... Её принёс мой братишка...

Наташа подняла голову.

— Витя? — радостно вскрикнула она и бросилась к двери.—Это моя тетрадь! Вот она, Надежда Николаевна. Вот моя тетрадь! Я утром ударила сумкой одного мальчика, и тетрадка упала, а он, наверно, нашёл... — залпом рассказывала Наташа.

— Братишка перед уроком принёс, только он очень торопился в школу и просил меня передать... — пояснила девочка.

— Значит, это мальчик, которого ты ударила сумкой? — спросила Наташу Надежда Николаевна.

— Ну да! Это Витя! Мы были в ссоре, но ведь мы из одного детского сада...

— Так, может быть, эти мальчики уж не такие плохие, как вы рассказывали? — улыбнулась Надежда Николаевна.

— Нет! Нет!

Наташа посмотрела в лицо учительницы сияющими глазами:

— Нет, нет! Они совсем неплохие. Они даже очень хорошие!

Сергей СМИРНОВ

Рис. А. КАНЕВСКОГО

КОЛЯ—„АКТИВИСТ“

Я в «культурную» работу
Окунулся с головой:
Состою в кружке по фото,
Посещаю хоровой.

Занят в секции юннатов,
В редколлегии — вдвойне.
Рисовать, писать плакаты
Поручают тоже мне.

Дома ждут обед и ужин.
Ждёт давно меня семья.
— Вы не ждите,
Я загружен —
Шефский вечер у меня.

Стало некогда учиться,
Даже сутки коротки.
Если ночью сон приснится —
Всё кружки, кружки, кружки...

Перегружен — даже очень,
Каждый день — не вижу дня.
На прогулку, между прочим,
Ходит Жучка за меня.

Так проходит вся неделя —
И растёт забот гора...
Говорят —
Для пользы дела
Разгрузиться мне пора!

И. РЯБИН *Рис. П. КАРАЧЕНЦОВА*

УЛИЦА МИРА

Вите было всего три года, но он хорошо знал свой адрес. Когда его спрашивали:

— Мальчик, на какой улице ты живёшь?

Он отвечал:

— На Разрушенной. Нашей улицы ещё нет. На нашей улице война была.

Но вот Витину улицу начали очищать от обломков, чтобы построить новые дома. Полуразрушенный дом, в котором жил Витя с папой и с мамой, снесли, а их временно переселили в барак на соседнюю улицу. Вите пришлось заучить новый адрес.

— Мальчик, на какой улице ты живёшь?

— На Временной, — отвечал Витя. — Наша улица ещё строится. Там ведь война была.

Витин детский сад находится на новой улице. Когда Витя возвращается вечером с мамой домой, он видит везде новые дома, электрический свет в окнах; он слышит, как говорит и поёт радио.

— Скоро и наша улица будет готова,— говорит мама.

Накануне октябрьских праздников мама пришла за Витей раньше, чем всегда.

— Мы переехали на новую квартиру, — весело сообщила она.

Новая улица Вите очень понравилась. Дома высокие, красивые, светлые. В их квартире широкие окна, белые двери пахнут свежей краской, а новенький лифт летит то вверх, то вниз, то вверх, то вниз.

— Витя, а как называется наша улица, ты знаешь? — спросила мама.

— Знаю мамочка. Улица Мира.

— Мы всегда, сынок, будем жить на этой улице.

Г. БРАИЛОВСКАЯ *Рис. Т. ПОКРОВСКОЙ*

ДОМИК НА ГОРЕ

На горушке, на горе
Белый домик во дворе.
Для кого, для кого
Мы построили его?

Кухня в домике просторная,
Чисто вымыты полы.
Двадцатипятиведёрные
С супом булькают котлы.

Суп душистый и густой,
Витаминный, не простой!
Для кого, для кого
Наварили мы его?

На берёзовой скамейке
В ряд поставлены бадейки,
И черпалка в полведра
Приготовлена с утра.

Полны бадейки до краёв.
Пора к столу, обед готов!
Для кого, для кого
Приготовили его?

Солнце греет домик летом,
Печка топится зимой.
Сколько комнат в доме этом!
А свободной — ни одной!
В каждой выбелены стены,
В каждой две охапки сена,

Мягкого, душистого,
Свежего и чистого!
Для кого, для кого
Постелили мы его?

Кто здесь будет ночевать,
Будет жить да поживать,
На горушке, на горе,
В белом доме, во дворе?
Не боится он дождей
И ночей морозных,
Мы построили его
Для телят колхозных.
Пусть растут они,
Толстеют,
Пусть колхоз наш богатеет!

Н. АРТЮХОВА

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

УПРЯМЫЕ ШНУРКИ

Шнурки на Володиных башмаках не хотели ни завязываться, ни развязываться.

Вместо бантика всегда получался тугой узел или, наоборот, ничего не получалось. А стоило потянуть за кончики, чтобы развязать, всегда оказывалось, что это не те кончики. И опять шнурки затягивались тугим узлом.

Мама и папа знали это и во-время приходили на помощь.

Но ведь дома Володя самый маленький, а здесь, в детском саду, столько ребят гораздо меньше его. И многие, очень многие завязывали шнурки сами.

После тихого часа Володя долго хлопотал над своими башмаками, прямо даже жарко стало — так старался.

И вдруг он заметил, что маленькая Маруся надела башмаки и как-то очень уверенно над ними наклонилась.

Сама завязывает! Бантиком! Подумать только!

Володя внимательно стал смотреть: как это у неё получается? И делал то же самое, что она.

Сначала — слабый узелок. Потом петелька... Другая петелька...

Маруся потянула за обе сразу... И Володя потянул за обе сразу...

Вышел прехорошенький бантик!

Вот здорово! И как просто!

Почему же дома, когда завязывали мама и папа, Володя не мог понять, как это делается? Может быть, потому, что маме и папе это уж очень легко, а Марусе всё-таки трудно и она завязывает медленно? Володя завязал второй башмак и встал со стула.

А вот Боря сидит себе и болтает ногами, ждёт, когда к нему Вера Львовна придёт на помощь!

А Володе Вера Львовна скажет:

— Молодец! Сам справился!

— Ты уже завязал? — удивился Боря. — А ну-ка, я тоже попробую.

Пускай пробует. Не умеет — и всё. Сейчас узлом затянет...

— Не так! Не так! — крикнул Володя. — Дай я покажу!

Боря понял очень быстро. Когда Вера Львовна подошла к мальчикам, все четыре башмака были уже прекрасно завязаны бантами.

— Молодцы! — похвалила она. — Какие вы у меня самостоятельные!

И Володя и Боря радостно улыбались. Как приятно чему-нибудь научиться! И как приятно кого-нибудь научить!

И. ВАСИЛЕНКО

БАЯН

У меня была собака — большая, с серебристой шерстью, с умными глазами. Звали её Баян. По срочному делу я выехал в один колхоз и взял с собой Баяна. Сначала мы ехали по железной дороге километров сорок, потом шли пешком. Пока ехали, все пассажиры любовались Баяном, а проводник дал ему пирожок.

В селе мы с Баяном наслаждались чистым воздухом и с аппетитом ели спелые, искрящиеся кристалликами сахара арбузы.

Потом меня вызвали в Ростов. Я подумал: «Не брать же с собою Баяна. Ещё заблудится в большом и незнакомом городе». И поехал один, наказав хозяину квартиры не пускать Баяна со двора.

Вернувшись в колхоз, я с огорчением узнал, что Баяна нет. Двое суток он выл и грыз верёвку, а на третьи перемахнул через забор и исчез. С грустью я ехал домой. Никакой надежды найти Баяна у меня не было: ведь собака не голубь, который возвращается домой, если даже его увезут в закрытом вагоне.

Приехал я ночью, подхожу к двери и вкладываю ключ в замочную скважину. И вдруг слышу через дверь писк, визг и тот ликующий лай, с каким всегда встречал меня Баян, заслышав стук ключа в замке. Не веря своим ушам, перешагнул я порог — и попал в мохнатые объятия.

Я так обрадовался, что даже не доискивался тогда, как мог Баян найти дорогу. Но потом этот вопрос стал занимать меня всё больше и больше.

Разгадка пришла неожиданно. Однажды шли мы с Баяном по улице, а навстречу нам мужчина в железнодорожной куртке. Остановился и смотрит на Баяна. И не поймёшь, что у железнодорожника на лице: одобрение, порицание или удивление. Посмотрел, покачал головой и говорит:

— Значит, жуликом ездишь? Хитёр!

— Как жуликом? — обиделся я, узнав в железнодорожнике того самого проводника, который угостил Баяна пирожком. — У него был билет, забыли?

— Туда, — кивнул проводник. — А оттуда?

— Что — оттуда? — не понял я.

— А оттуда жуликом проехал. Подошёл ко мне на станции и обнюхал, а как в вагон проскользнул, я и не заметил. И до самого города под скамейкой лежал. Пассажиры смотрят на меня и смеются, а чему смеются, не пойму. Только в самом городе, когда все стали выходить, и он вылез. Ну как его штрафовать! Денег у него нет.

Рисунок Вали Петровой, 6 лет. г. Молотов.

Рисунок Л. Морошек, 12 лет. г. Москва.

А. БАРТО

ДЕТСКИЙ САД УЕХАЛ

В саду пожелтели,
Осыпались клёны,
И только скамейка
Осталась зелёной.
Стоит она
В тихой аллейке.
И дождик
Стучит по скамейке.
Мокнет скамейка
Под голой рябиной.
Летом была она
Автомашиной.
Она самолётом
Красивым была.
Приделали к ней
Два фанерных крыла...

Детский сад уехал,
Ветер ветки клонит
Ворох жёлтых листьев
На пустом балконе.

ИГРА

Осень... пасмурно и хмуро...
Надевает тетя Шура
Кофту тёплую и шаль.
— Да, — вздыхает тётя Шура, —
Лето кончилось, как жаль...

На лужайке за сараем
В ряд уселась детвора.
Говорят — мы загораем!
Говорят — у нас жара!

Пусть они в платках и в ботах,
Пусть уселись на ветру!
— Тётя Шура! — крикнул кто-то, —
Приходи играть в жару!

ДИКАРКА

(Шутка)

Утро.
На солнышке жарко.
Кошка стоит у ручья.
Чья это кошка?
Ничья!
Смотрит на всех, как дикарка.

Ей объясняли ребята:
— Должна ты мурлыкать и мыться,
А ты убегаешь куда-то,
Стоишь у ручья, как тигрица.

Все объясняли дикарке:
— Ты же не тигр в зоопарке!

Ты перестала быть дикой!
Кисанька, ну, помурлыкай.
Ну, помурлычь хоть немножко!
Ты же обычная кошка!

Кошка опять, как тигрица,
Выгнула спину и злится.
Кошка крадётся по следу...
Зря мы вели с ней беседу!

Рисунок на обложке В. Щеглова „Первая пятёрка"

Художественный редактор Н. Попов *Рукописи не возвращаются* *Технич. редактор З. Тышкевич*

Год издания двадцать седьмой Цена 1 руб. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06 Подписано к печати 12/IX 1951 г. А07911
2,8 уч.-изд. л. Бумага $60\times92^{1}/_{8}$=1,5 бум. л.=3 печ. л. Тираж 250 000 экз. Заказ 1337

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сущёвская, 21.

 Рис. Н. ЖУКОВА

Своим трудом...